

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ
профессор, руководитель научно-методического
центра развития образования, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

**ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация: история в ее подлинном идейно-мировоззренческом многообразии – это мощный генератор развития культуры и преграда на пути ее саморазрушения. Обеспечить это может лишь разнообразие представленных в ней концепций и позиций, ибо истина рождается в спорах, а не в унылом единодушии и унифицированном единомыслии.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, предмет исторических исследований, проблематика исторических исследований, социологический структурно-функциональный анализ, фрагментация истории, клиометрические исследования, событийное историописание, дискуссионная тональность, наука, концептуальное осмысление, историческая действительность, общая теория, исторический процесс.

У современных историков, несмотря на национальные особенности, немало общих черт, образующих единый методологический каркас. Противопоставление истории естественным наукам сменилось убеждением в их принципиальной общности. Усвоение междисциплинарных методов, методов социальных и отчасти естественных наук стало магистральной линией ее обновления, что привело к росту глобального гносеологического оптимизма историков. В поисках новой методологии исторического познания противники неокантианских воззрений об-

ратились к структурализму, разработанному французскими учеными в лингвистике, а затем распространенному и на некоторые гуманитарные науки. Структуралисты видели решение задачи максимального устранения субъективизма из процесса познания, во-первых, в надлежащем выборе объекта исследования, во-вторых, в применении новых методов в процессе познания. Они выделяли категорию так называемых «бессознательных структур», свободных от субъективных моментов – экономические отношения, система обычаев и традиций, мифы, верования. Другой способ устранения субъективного элемента из самого процесса исследования они усматривали во внедрении в историческую науку методов естественных наук, главным из которых в познании социальной жизни является построение и изучение типологической модели [1]. Новая методология, выдвинув в качестве главного объекта исследования общественные структуры, открыла возможность изучения социально-экономических проблем и массовых явлений социальной жизни. Все это значительно расширило спектр исторических исследований, привело к появлению новых исторических дисциплин. Само формирование и развитие новой методологии исторического познания испытало на себе воздействие марксизма – прямое или чаще через леворадикальную мысль. Один из основателей структурализма К. Леви-Стросс писал, что понятие структуры он «заимствовал, в частности, у Маркса и Энгельса» [2, р. 364]. Но это не значит, что новая научная история стала на промарксистские позиции, большей частью объект исследования нередко встраивался в историко-социологическую схему – доиндустриальное (традиционное) общество, общество эпохи промышленной революции, индустриальное и постиндустриальное общество. Не исчезли и мировоззренческие различия среди историков, они сказались не только в трактовке исторических процессов, но и в выборе самих объектов исследования. Одна из главных тем «новой исторической науки» – внутреннее состояние общества и отдельных его групп, соотношение в нем факторов экономической, социальной и политической стабильности и факторов, порождающих социальную дисгармонию. Историки праволиберального направления обращали главное вни-

мание на изучение устойчивых общественных структур и институтов, исследователи радикально-демократического направления отдавали предпочтение разработке проблем массового поведения и массового сознания. Вместе с выходом «новой исторической науки» на новую тематику изменилась и методика исторического исследования. Существенными ее элементами стали количественный анализ и междисциплинарный подход. Главные области их применения – экономическая, политическая и особенно социальная история. Не вполне адекватное название «новая историческая наука» происходит от латинского «scientia» – наука. Термины «наука», «научный», принятые в историографии США, обычно отождествляются с естественными науками и количественными методами. Во Франции принято более осторожное название «новая история». Колоссальный рост объема исторической информации требовал новых средств для ее обобщения и типологизации. Возникновению количественных методов изучения истории способствовал и прогресс самой математики – рост интереса к проблемам структур, развитие типологии, прошедшие практическую проверку на материале прикладной социологии, лингвистики. На первом этапе «количественная история» использовала известные статистические приемы лишь для подтверждения исторических описаний. Но затем количественный (квантитативный) метод начал применяться при компьютерной обработке источников по составленной заранее программе. Отмечая эти новые явления, французский историк Р. Робен писала: «Статистика окончательно стала помощницей исторических наук. История цен и избирательная статистика, структура собственности и состав библиотек, брачные контракты и приходские записи актов гражданского состояния – все стало предметом классификации, кодирования. Историк стал статистиком, демографом, социологом, для него не составляют более тайны статистические вариации, логарифмические графики» [3, p. 15].

В 1960–80-е годы движение за «новую историческую науку» приобрело международный характер, и выявились ее общие черты. Шел интенсивный обмен идеями между французской школой «Анналов», английской «народной историей», группами историков-демографов и «рабочих историков» Кембриджа и

Оксфорда, немецкими университетскими центрами в Билефельде и Гейдельберге, институтом М. Планка в Гёттингене, многими университетскими центрами по количественной истории в США, итальянскими историками, группирующимися вокруг журналов «Общество и история» («Società e Storia»), «Исторические тетради» («Quaderni Storici»). «Новая историческая наука» получила распространение в странах Латинской Америки и Скандинавии. В то же время в каждой из национальных историографий «новая историческая наука» имела свою специфику, связанную с особенностями формирования, традициями исторической науки, своеобразием общественно-политического климата – все это повлияло на выбор историками разных стран тех или иных методологических и методических средств.

Во французской историографии направление «новой исторической науки» начало складываться ранее, чем в какой-либо другой стране. Элементы новой модели исторического познания начали утверждаться еще в начале XX века, когда возникли социологическая школа Э. Дюркгейма и научный центр «исторического синтеза» А. Берра. Главной задачей исторической науки они считали синтез на базе тесного взаимодействия социологии и самой исторической науки. Сложившаяся в 1930-х годах школа «Анналов» находилась под воздействием Дюркгейма и Берра и испытала отчасти влияние марксизма. Основную задачу историки этой школы видели в создании всеобъемлющей («глобальной») истории – истории синтетической, использующей результаты исследований общества как с социальной и экономической, так и с психологической, моральной и других точек зрения. Школа «Анналов» считала необходимым все время обновлять методы исторического исследования, взаимодействуя с другими науками. «Новая историческая наука» 1970–1980-х годов во Франции по своему происхождению и многим исследовательским подходам связана со школой «Анналов». В то же время она отличается по ряду применяемых новых методов и происшедшему определенному дроблению проблематики исследований. С одной стороны, произошло расширение тематики с использованием достижений смеж-

ных наук, междисциплинарный подход включал демографию, этнографию, антропологию, лингвистику. На первый план выдвинулись – «антропологическая история» – изучение бытовой культуры и повседневной жизни людей, история семьи, сексуальных отношений, болезней и «история ментальности» – история коллективных представлений и коллективной памяти. Во французской историографии под сильным влиянием США стали использоваться количественные методы, особенно в изучении экономической истории и исторической демографии, но и не столь широко, как в американской историографии.

В самих США в поисках родословной «новой исторической науки» исследователи обращаются к началу XX века – деятельности Ф. Тернера и его учеников из Висконсинского университета, к трудам представителей политической социологии Колумбийского и Чикагского университетов, отмечавших необходимость привлечения историками данных и методов социологии, психологии, литературы, искусства. Но практическое формирование новой научной истории началось лишь в 1950-х годах. Большую роль при этом сыграло и развитие как прикладной социологии в США, так и теоретической, именно американцем Т. Парсонсом была разработана «теория социального конфликта», столь широко примененная впоследствии историками. «Новая историческая наука» развивалась в США стремительно и с большим размахом, охватив все главные проблемно-тематические области – экономическую, политическую и социальную историю. Влиятельным направлением «новой исторической науки» стала «новая социальная история». Ее формирование в 1960-х годах началось в университетах Питсбурга, Чикаго, Рочестера и проходило под сильным влиянием европейской историографии, прежде всего французской школы «Анналов» и английской «новой социальной истории». Организующая логическая цепочка в изучении социальной истории США – социальная структура – социальный конфликт – социальные изменения. Плодотворным было взаимодействие либеральных, радикально-демократических и историков марксистской ориентации в сфере «новой рабочей истории». Организационно оно выразилось в совместной работе в жур-

нале «Рабочая история» («Labor History»). Сквозной темой «новой рабочей истории» стало изучение сознания и поведения рабочей массы, изменения их в зависимости от формирования социокультурной среды. В целом изучение социальной истории США значительно расширило диапазон исследований, демократизировало американскую историческую науку. Один из основателей новой социальной истории в США Д. Б. Ратмэн восторженно писал: «Новый социальный историк проникал в спальни, чтобы изучить интимные подробности, присаживался к постели больного для выяснения социальных последствий болезни, надеясь достичь ощущения характера и размера долговых сетей, заглядывал через плечо лавочника, когда тот вносил записи в конторскую книгу. Историк или скорее его компьютер – поглощал том за томом протоколы, цензы, городские адресные книги и тому подобное, учитывая, классифицируя и соотнося число детей, родственников, домочадцев, семей, профессий, прядильных фабрик и ткачей. Кто был грамотным, а кто нет; кто черный, кто белый; кто двигался в социальном, экономическом, в пространственном отношении, а кто оставался на месте; кто и когда имел электричество, а кто нет. Старый девиз газетчика – кто что делал, когда и где? обратился в бесчисленные графики и таблицы» [4, с. 67].

«Новая историческая наука» в Англии также имеет свою предысторию. Кроме общих причин ее возникновения, существенной предпосылкой явилось выделение еще в межвоенный период новых исторических дисциплин – экономической и социальной истории, постепенная кристаллизация в числе предметов их исследования положения трудящихся, истории рабочего движения. Важную роль в ее формировании сыграло также широкое прогрессивное течение в историографии 1950-х годов, включавшее в себя, наряду с «неортодоксальным марксизмом», также леволиберальное и радикально-демократическое направления. Они сотрудничали в созданном в 1952 году совместном журнале «Прошлое и настоящее» («Past and Present»). Выступая против традиционной описательной историографии, они выражали убеждение в познавательных возможностях исторической науки, верили в общественный прогресс. В противоположность США,

где в становлении «новой исторической науки» большую роль сыграло обращение к количественным методам, английская историография испытала влияние методологии социологии, демографии и особенно социальной антропологии, что определило облик ведущего направления в междисциплинарной историографии – «новой социальной истории». Мировоззренческое размежевание в «новой исторической науке» рельефно отразилось в избирательности исследовательской тематики – либеральные историки сосредоточились на прослеживании эволюции различного рода социальных структур; радикально-демократические историки и исследователи марксистской ориентации изучали поведение и массовое сознание низших социальных групп английского общества. Получили всемирное признание работы Э. Хобсбоума, Э. Томпсона, Дж. Рюде, сочетавшие неортодоксальный марксизм и методы междисциплинарного подхода – антропологические, психологические, демографические.

В Германии сложились более трудные условия для формирования «новой исторической науки», чем в других ведущих «историографических державах». Еще в ходе методологической дискуссии конца XIX – начала XX века возникшей в связи с обсуждением трудов К. Лампрехта, потерпели поражение позитивистские принципы и восторжествовали идиографические методы исторического познания. Это означало и отказ от сближения истории с социологией. В межвоенный период доминирующая роль идиографической историографии возросла еще больше. Лишь немногие выступали за наведение мостов от истории к социологии. Особенно велико в этом плане значение трудов М. Вебера. В концепциях, которые он выдвинул, нашли выражение такие принципы, как взаимосвязь исторической и социологической постановок проблем, междисциплинарный подход, метод типологического построения и моделирования в общественных науках. Но идеи Вебера были восприняты лишь десятилетия спустя, да и то сначала за рубежом, а затем уже в самой Германии. Только в 1960-х годах, когда вслед за «экономическим чудом», началась форсированная научно-техническая революция, в общественно-политической и научной жизни ФРГ усилились позиции неолибе-

ралов. Сформировалось поколение историков, чуждых немецкому идеалистическому историзму. За изучение социальных процессов в рамках теории «индустриального общества» одним из первых выступил известный историк В. Конце. Постепенно предметом научного исследования становятся общество и происходящие в нем социальные процессы. Г. Ротфельс и Т. Шидер обратились к типологическим конструкциям тех или иных процессов исторического развития на основе применения «идеальных типов» М. Вебера. Тем не менее, исследовательская практика новой социальной истории в ФРГ значительно отставала от теоретических разработок. Своим подчеркнутым вниманием к «человеческим проблемам» социальная история ФРГ напоминала французскую «новую социальную историю», но в то же время немецкие историки испытывали к ней недоверие, поскольку были склонны преувеличивать влияние на школу «Анналов» марксистской методологии. С другой стороны, в немецкой «социальной истории» сохранились многие элементы идеалистического историзма с его подчеркиванием политических факторов и значения деятельности выдающихся личностей. Применение количественных методов также не получило широкого распространения. Вместе с тем обращение к новой социальной истории в немалой степени повлияло на тематику немецкой историографии. Достаточно отметить гейдельбергскую школу В. Конце и марбургскую школу В. Абендрота. В последнее десятилетие под немалым влиянием англо-французской историографии сложилась школа «повседневной истории», отразившая стремление возвратиться к нарративному изложению и рассказать о жизни «маленького человека».

«Блестящий разброд» – так охарактеризовал американский историк Г. Нэш состояние «новой исторической науки» в США, экстраполируя его на всю западную «новую историю». «Новая историческая наука» во многом сумела преодолеть крайние проявления субъективизма и иррационализма, характерные для идиографической историографии конца 1940-х – начала 1950-х годов. Опираясь на количественные методы исследования, она смогла проанализировать массовые источники, статистические серии тысяч и тысяч однородных фактов, что было не под силу описательной историографии. Овладение методами смежных

общественных наук помогло глубже, полнее постигать события прошлого в их взаимосвязи. Антропология вернула в поле зрения историков человека как целостного субъекта исторического действия. Расширились и обновились предмет и проблематика исторических исследований, что усилило дискуссионную тональность в науке. Все это подняло статус истории среди других общественных наук. Вместе с тем в «новой исторической науке» так и осталась неразрешенной проблема концептуального осмысления исторической действительности, по-прежнему отсутствует общая теория исторического процесса. Применяемый многими историками социологический структурно-функциональный анализ дает на том или ином срезе исторического времени картину функционирования общественных институтов, но при этом отсутствует динамика, а часто и ответ на вопрос о причинах происходивших событий. Более того, междисциплинарный подход, принесший в изучение истории множество методик гуманитарно-социальных наук, еще больше способствовал фрагментации истории, в рамках «новой исторической науки» возник ряд дисциплин, мало или вовсе между собой не связанных. Существенной слабостью «новой исторической науки» является форма и язык исследований. Работы изобилуют статистическими данными, особенно это относится к клиометрическим исследованиям, и неудобочитаемы даже для специалистов. Известный американский историк В. Ван Вудворд жаловался, что он не все понял в работе о рабстве, написанной клиометристами Р. Фогелом и С. Энгерманом. Все это привело с середины 1970-х годов к стремлению вернуться к событийному историописанию – «повседневной истории», а также возрождению нарратива.

Таким образом, историческую науку второй половины XX века характеризует поступательное развитие, приведшее к существенному обновлению ее теоретических основ. Эти черты проявились в деятельности направления, получившего название «новой исторической науки» и утвердившегося в ведущих странах Запада. С 1960 года теоретические и методологические вопросы современной историографии занимали главное место на страницах международного науч-

ного журнала «История и теория» («History and Theory»). Наиболее трудным временем в развитии отечественной историографии было первое послевоенное десятилетие. Восстанавливались многие университетские центры, материальная база академических институтов и вузовских кафедр была слаба. Кроме университетских кафедр всеобщей истории основным центром по изучению проблем новой и новейшей истории стран Европы и Америки был Институт истории АН СССР. В условиях идеологического контроля особую активность проявляли центральные партийные вузы – кафедра всеобщей истории Высшей партийной школы и кафедры всеобщей истории и международных отношений Академии общественных наук при ЦК КПСС, публиковавшие установочные учебные пособия по новой и новейшей истории для вузов и средней школы. Историческая периодика была ограниченной, регулярно выходили лишь журналы «Вопросы истории» и «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». К методологическим вопросам обычно обращался журнал «Коммунист», до 1952 года выходивший под названием «Большевик».

Для историографии этого периода характерно традиционное внимание к истории революционных и освободительных движений, рабочему движению, самостоятельной научной отраслью становится славяноведение. На одно из первых мест выдвигается внешнеполитическая тематика, прежде всего изучение внешней политики СССР в рамках, заданных правительственной публикацией «Фальсификаторы истории» (1948), в которой давалась оценка предвоенных советско-германских отношений и в особенности пакта Молотова – Риббентропа. Политико-идеологические критерии определяли в основном значимость исторических трудов и их оценку с точки зрения идейно-политической безупречности. После смерти И. В. Сталина в решениях XX съезда подчеркивалась необходимость серьезной борьбы против догматизма и субъективизма в трактовке исторического процесса, объективного исследования событий прошлого. Была сформирована новая редколлегия единственного общесторического журнала «Вопросы истории» во главе с А.М. Панкратовой. В нее вошли известные специалисты по отечественной истории – Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин,

И.А. Федосов, С.Д. Сказкин, А.С. Ерусалимский. Показательны события вокруг журнала «Вопросы истории», выступившего с инициативой широкого обсуждения назревших проблем и нерешенных вопросов отечественной историографии. На конференциях, организованных журналом в январе и июне 1956 года, прозвучали требования снять запрет с изучения многих важных вопросов. На обсуждениях состояния исторической науки, прошедших на ряде университетских кафедр истории КПСС, а также в Академии общественных наук при ЦК КПСС в адрес журнала прозвучали обвинения в антипартийной платформе. Редакционный курс «Вопросов истории» на обновление исторической науки объявлялся «ревизионистским подкопом под партию». Летом 1956 года, как отголосок разногласий среди руководства партии, в ряде газет и журналов стали появляться резко отрицательные оценки критической направленности журнала, носившие явно скоординированный характер. Число нападок заметно возросло после событий осени 1956 года в Польше и Венгрии. В газете «Правда», в журналах «Коммунист» и «Партийная жизнь» регулярно публиковались разнообразные статьи, призывавшие прекратить критику И.В. Сталина. В марте 1957 года вслед за постановлением ЦК КПСС «О журнале «Вопросы истории», в котором ряд его статей характеризовался резко негативно, как ослабление борьбы с буржуазной идеологией и «отход от ленинских принципов партийности в науке», его редакция подверглась фактическому разгрому, из нее вывели инициатора многих смелых публикаций Э. Н. Бурджалова, не выдержав нападков и жестких обвинений со стороны М. А. Сулова и П. Н. Поспелова скончалась главный редактор А. М. Панкратова.

С 1957 года стали выходить журналы «История СССР», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории КПСС». В 1950-е – 1960-е гг. появился ряд новых академических институтов – Институт Африки (1959), Институт Латинской Америки (1961), Институт международного рабочего движения (1966), Институт военной истории (1966), Институт США (1968, с 1971 года – США и Канады). С конца 1960-х годов заметно оживились международные связи, научные об-

мены, поездки историков в зарубежные страны для работы в архивах и библиотеках. Примером является становление советско-американских научных контактов. С 1970 года устанавливаются связи Национального комитета историков Советского Союза с Американской исторической ассоциацией. Согласно договоренности, с 1972 года регулярно раз в два года проводились советско-американские коллоквиумы историков по проблемам истории США и СССР. Под руководством И.Д. Ковальченко успешно осуществлялась программа советско-американского сотрудничества в области применения количественных методов в изучении истории. С.Л. Тихвинский и Н.Н. Болховитинов возглавили первую совместную советско-американскую публикацию документов по истории ранних русско-американских отношений. С 1974 года на кафедре новой и новейшей истории МГУ американские профессора ежегодно читали курсы по истории США. Почетными членами Американской исторической ассоциации стали видные советские историки М.Н. Тихомиров и П.А. Зайончковский. Начиная с Римского конгресса 1955 года во всемирных съездах историков участвовали советские исследователи. На протяжении почти целого века эти собрания привлекали внимание мирового сообщества историков, собирая тысячи участников. На Международном конгрессе в 1970 году в Москве присутствовали ученые из 50 стран. Конгрессы являлись вехами на пути развития мировой исторической науки, они выявляли основные тенденции в развитии мировой историографии, как в методологическом, так и в проблемно-тематическом отношении. В личных контактах и жесткой полемике происходило ознакомление с методологией и методикой «новой исторической науки», применяемым ею междисциплинарным подходом, приоритетными направлениями современной западной историографии – социальной историей, исторической демографией, исторической антропологией, обогащающими видение исторического прошлого, особенно в понимании человека как целостного субъекта исторического действия. Заметное влияние в этом плане имели конгрессы в Сан-Франциско (1975), Бухаресте (1980), Штутгарте (1985), Монреале (1995).

Происходившие с конца 1950-х годов перемены в стране оказали немалое влияние на содержание исторических исследований. Исследования велись по-прежнему в рамках марксистско-ленинской концепции истории, но были отброшены явно устаревшие оценки основоположников марксизма. Так, признаны ошибочными положения Маркса и Энгельса, явно переоценивавших степень экономической зрелости капитализма, его готовность к социалистическим преобразованиям во второй половине XIX века. В исследовательских работах пересмотрено ленинское положение, относящееся к началу XX века – «переходу капитализма в монополистическую стадию» как времени «реакции по всей линии». Было показано, что в передовых странах Запада под давлением широких демократических движений и потребностей развития капитализма был принят реформаторский курс в социальных и экономических областях – в США Т. Рузвельтом и В. Вильсоном, в Англии Д. Ллойд Джорджем, в Италии Д. Джолитти. Скорректированы односторонние оценки Маркса и Энгельса, данные ими видным общественным и политическим деятелям – Бакунину, Боливару, Герцену, Кошуту, Мадзини, Прудону.

В первые послевоенные десятилетия в отечественной исторической науке сформировалась плеяда исследователей, признанных не только на Родине, но и в зарубежной исторической науке – В.П. Волгин, Ф.В. Потемкин, Е.А. Косминский, Б.Ф. Поршнев, А.З. Манфред, А.В. Ефимов, А.С. Ерусалимский, В.М. Далин, А.В. Адо. Расширился диапазон исторических изысканий. До войны существовали три основных региональных направления исследований – франковедение, германистика и англоведение, после войны к ним прибавилось славяноведение. С 1960-х годов оформились американистика, латиноамериканистика, началось планомерное изучение истории многих других стран – Италии, Испании, Ирландии, Швеции, Канады. Заметное место заняли биографические работы, имевшие успех в широкой читательской аудитории. Это уже были не только политические биографии, авторы нередко обращались к индивидуальной психологии и частной жизни исторических деятелей. Популярными авторами жанра

стали А.З. Манфред, Н.Н. Молчанов, В.Г. Трухановский, Н.Н. Яковлев, Р.Ф. Иванов, Ю.В. Борисов.

Вплоть до второй половины 1980-х гг. изложение исторических проблем и простор исторического поиска сужался закрытостью архивов и бдительным надзором за использованием извлеченного из их фондов архивного материала. При этом историческая наука являлась успешно развивающейся и благополучной академической дисциплиной. С начала 1980-х гг. стало заметно возрастать число работ историко-социологического и историко-политологического типа, а также – с использованием количественных и междисциплинарных методов. Поскольку в 1945–1985 гг. исследовать исторические проблемы было возможно только в рамках и на основе марксистско-ленинской методологии, следовательно, обязательным теоретическим фундаментом являлись произведения ее основоположников. В первой половине 1970-х гг. было завершено второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, осуществлен выпуск полного собрания сочинений В.И. Ленина. Но «полным» издание это не являлось, в нем было произведено множество купюр, в частности, опустивших резкие эпитеты автора в адрес своих соратников – Р. Люксембург, К. Радека, Ф. Кона, Б. Куна. В это собрание не вошло более трех с половиной тысяч документов, не укладывающихся в устоявшийся идейный образ Ленина. Марксистская концепция исторического процесса получила наиболее широкое воплощение в крупных обобщающих трудах – «Всемирная история» и «Советская историческая энциклопедия» [5]. Как справочное издание, Историческая энциклопедия представляла собой значительный шаг вперед. Около 25 тысяч помещенных в ней статей довольно основательно охватили события отечественной и всемирной истории. Сложнее обстояло дело с объективностью оценок исторических деятелей, политических партий, социальных процессов, новейших зарубежных общественных теорий. Слишком односторонне излагались такие политически острые проблемы как происхождение «холодной войны», план Маршалла, внешняя политика Советского государства изображалась в препарированном апологетическом виде. Международное рабочее движение освещалось в энциклопедии, прежде всего,

как постоянная борьба двух тенденций – революционной и реформистской. В статьях, посвященных проблемам рабочего движения – Анархизм», «Догматизм», «Оппортунизм», «Ревизионизм», «Социал-демократия», «Троцкизм» – оценки носили не столько строго научный, сколько политико-идеологический характер. «Всемирная история», V-XIII тома которой посвящены истории нового и новейшего времени, считалась доказательством «неизмеримого превосходства советской исторической науки над буржуазной» [6, с. 102]. Содержание исторического процесса при всем богатстве приводимого фактического материала сводилось к смене общественно-экономических формаций, что и определяло подход к истории производства и идеологии, государства и права, политических процессов и религии, науки и искусства. Рассчитанная на широкого читателя, «Всемирная история» отражала общепринятые концепции и оценки, а потому не освещались проблемно-дискуссионные вопросы. Задача глубокого теоретического анализа не стояла и в многотомных истории Великой Отечественной и Второй мировой войны [7]. На первый план в них были выдвинуты как героизм народных масс, так и руководящая роль Коммунистической партии как организатора и вдохновителя Победы. Вновь была дана высокая оценка деятельности И.В. Сталина в годы войны, но и анализировались ошибки и просчеты советского политического и военного руководства. В целом развитие отечественной историографии за сорок послевоенных лет являло собой период поступательного развития, накопления фактического материала, привлечения новых источников, становления новых, не существовавших прежде областей историографии – американистики, латиноамериканистики, итальянистики и др. В науке было создано немало крупных исследований, получивших заслуженное признание на мировой арене.

С 1985 года с началом горбачевских перемен наметилась ломка прежних исторических представлений. В ходе оживленных дискуссий второй половины 1980-х гг. среди историков определились три подхода к обновлению науки и исторического сознания. Значительное число заняло консервативно-догматические позиции, не желая поступаться принципами и отвергая фактически саму идею обновления. Другая часть склонилась к негативно-нигилистической платформе

и потребовала полного демонтажа прежней исторической науки, не находя в ней вообще ничего, достойного сохранения. Третья группа историков заявила о себе как о сторонниках «творчески-созидательного подхода», выступила за критический самоанализ проделанного, учет позитивных и негативных уроков собственного развития, за документальную аргументированность выводов и оценок. Вместе с тем, выдвинув столь правильные и бесспорные принципы, представители этой группы высказались за плюрализм, но только «на основе творческого применения марксистско-ленинской методологии» [8, с. 9], ставя тем самым плюрализму строгие рамки. Но истинный плюрализм выражается в стремлении исследователя интегрировать в своем анализе различные теоретико-методологические подходы, таким образом, чтобы они давали возможность углубленного понимания исторических процессов и явлений.

История по самой своей природе – наука, достаточно консервативная, привыкшая опираться на факты, источники, документы, для изучения и осмысления которых требуется определенное время. Если в среде отечественных философов в 1990–1991 гг. уже были заявлены различные направления – феноменологическое, теологическое, антропологическое, неокантианское, герменевтическое – и начал выходить ряд независимых философских журналов, альманахов и ежегодников, то в исторической науке этот процесс шел гораздо медленнее. Необходимо отметить появление с 1989 года нового ежегодника «Одиссей», в котором центром внимания становился человек, и происходило знакомство читателя с новыми направлениями исторической мысли, с проблемами культуры и ментальности. С 1995 года по инициативе академика И.Д. Ковальченко (1923–1995) обновлено издание «Исторических записок» – альманаха, специально посвященного проблемам теории и методологии исторического исследования. В его редакционный совет, который является международным, вошли ученые из России, Великобритании, США, Франции, Швеции. С конца 1980-х годов заметно увеличился выпуск переводных работ крупнейших зарубежных историков и мыслителей, знакомство с идеями которых являлось важным стимулом освобождения от идеологической зашоренности и духовной нетерпимости.

История в ее подлинном идейно-мировоззренческом многообразии – это мощный генератор развития культуры и преграда на пути ее саморазрушения. Обеспечить это может лишь разнообразие представленных в ней концепций и позиций, ибо истина рождается в спорах, а не в унылом единодушии и унифицированном единомыслии.

Список литературы

1. Ковальченко И.Д. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке / И.Д. Ковальченко, Н.В. Сивачев // История СССР. – 1976. – №5.
2. Levi-Strauss C. *Antropology Structurale*. – P., 1958.
3. Robin R. *Semur-en-Auxoie*. – P., 1970.
4. Ратмэн Д.Б. Новая социальная история в США // Новая и новейшая история. – 1990. – №2.
5. Всемирная история, I–XIII тт. М., 1955–1983; Советская историческая энциклопедия в 16 томах. М., 1961–1976.
6. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История Западной Европы и Америки. М., 1963.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. тт. 1–6. М., 1960–1965; История второй мировой войны. 1939–1945, тт. 1–12. М., 1973–1982.
8. Касьяненко В.И. Об обновлении исторического сознания // Новая и новейшая история. – 1986. – №4.
9. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учебное пособие для студентов / под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/part2/part2_vv.htm (дата обращения: 21.09.2016).